

Общность орнаментальных поясов и центральных композиций, особая, несколько грубоватая манера изображать людей, не считаясь с пропорциями тела (шеи отсутствуют, а головы вырастают непосредственно из плеч; руки очень длинные и ломаются в локтях, образуя острые углы), резкость линий, очерчивающих растения, животных, предметы, а также одинаковая тональность раскраски указывают на то, что оба сосуда происходят из одной и той же мастерской, были расписаны неквалифицированным мастером и предназначались, по видимому, не для царского двора, а для дома богатого египтянина. Это еще раз свидетельствует о том, что изменение художественного достоинства предметов в зависимости от имущественного достатка людей, на которых они были рассчитаны, проявилось столь же отчетливо на оформлении расписных сосудов, как и на остальных предметах обстановки египтян. Весьма показательно также, что мастер наших сосудов использовал для их украшения не только традиционные композиции настенных росписей, но и формы, замеченные им в природе, сюжеты, характерные для жизни египтян времени Нового царства.

Известно, что в египетской культуре требования религии и необходимость следовать существующим канонам постоянно давили на творчество мастера. Тем более важно наличие предметов, украшенных сюжетами, взятыми из жизни. Они позволяют более глубоко и всесторонне раскрыть своеобразие египетского искусства не только по памятникам официального направления, но и по предметам, непосредственно связанным с бытом египтян.

С. И. Ходжаш

ОЛЬВИЙСКИЙ ДЕКРЕТ ИЗ РАСКОПОК 1949 г.

В 1949 г. в Ольвии, при раскопках участка «Е», был найден фрагментированный почетный декрет Совета и Народа ольвиополитов. Декрет высечен на мраморной плите, украшенной фронтоном с тремя акротериями. Мрамор сероватого тона, среднезернистый, плотный, вероятнее всего островного происхождения. Сохранилась верхняя часть надписи. Сбита поверхность среднего акротерия фронтона и частично акротерия слева. На лицевой поверхности плиты местами небольшие выбоины и мелкие царапины. Плоский фронтон на 4 мм выступает над поверхностью плиты; небольшой карниз, трактованный в виде скошенной полочки (высота 11 мм), отделяет его от последней. Плита постепенно расширяется книзу. Наибольшая высота плиты с фронтоном 26 см. Высота фронтона с акротерием 7,7 см, ширина 26 см. Ширина плиты в верхней части 24,2 см, в нижней 26,3 см; толщина 7 см. Лицевая поверхность тщательно отшлифована, боковые — обработаны полуволнистой теской; хорошо видны следы долота, при помощи которого они были стесаны; боковые поверхности были сглажены только на 1,2 см вдоль передней стороны. Задняя сторона и частично верхняя поверхность фронтона грубо обработаны крупными сколами. Необработанность задней стороны указывает, что плита, очевидно, была вставлена в кладку.

По своей форме издаваемый декрет аналогичен декрету о предоставлении проксеции Херигену, сыну Метродора (IOSPE, I², 20); в том памятнике плоский фронтон с тремя акротериями также слегка выступает над поверхностью плиты, расширяющейся книзу; оба памятника совпадают по размерам не только плиты, но и букв.

Сохранность надписи прекрасная; буквы довольно глубоко врезаны в мрамор, что придает письму особую четкость. До нас дошло 10 строк и начало 11-й; сбит конец 10-й строки. Высота букв 13 мм. В надписи строго соблюдено расстояние начала строк от края; в конце, как это обычно бывает, равномерность расстояния нарушается; некоторые буквы подходят к самому краю, как, например, в строках 6-й, 7-й и 9-й, а 8-я строка оканчивается на расстоянии 3,8 см от края плиты. Первона-

начально резчик выписывал строки с интервалами в 4 мм, но в дальнейшем, убедившись, что надпись может не уместиться, он сократил это расстояние до 2—3 мм, вследствие чего нижние строки расположены ближе друг к другу, чем верхние. Повидимому, эта мысль возникла у резчика во время писания 6-й строки; он на ходу исправляет положение, поднимает ее уровень, и начальная сигма оказывается выписанной дважды.

Любопытно, что это явление среди надписей Северного Причерноморья не единично. Так, например, надпись с текстом договора херсонесцев с Фарнаком первоначально вырезывалась с обычными интервалами строк; затем резчик в середине текста сблизил строки и несколько уменьшил размеры букв. Когда же, ближе к концу, он убедился, что нет надобности в экономии места, последние 11 строк выписываются с начальными интервалами и местами более крупным шрифтом¹. При вырезывании этих текстов, очевидно, не была пропущена первоначальная разметка письма.

Обращает внимание еще одно исправление: в первой строке первоначально стояло имя Θεοσεύτουρος, а затем его переправили на Πρωτεύτουρος. О том, что исправление было сделано в указанной нами последовательности, свидетельствует стертость чертаний Θ, которая была изображена с точкой по середине, а при переделке в Η по точке прошла поперечная черта. Так как Η, являвшаяся второй буквой первого имени, была глубоко врезана в камень, при переделке в Ρ все же сохранились следы горизонтальных линий. Сохранившаяся часть надписи читается таким образом (см. рисунок):

Ольвийский декрет из раскопок 1949 г.

¹ IOSPE, I², 402; ср. Р. Лепер, Херсонесские надписи, ИАК, 45, табл. 1, стр. 23—70.

- Ἐρωμένου Ἡρωεΐτονος.
 Ἐδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ
 εἰκάδι Ἡφαιστόδωρος Δι-
 ογένους εἶπεν. Ἐπειδὴ
 5. Διονύσιος θάγωνος Ἡερ-
 σονησίτης κοινῇ τε εὖ-
 νους καὶ φίλος ὦν τυγχά-
 νει τῷ δήμῳ καὶ ἰδία
 τοῖς ἀφικνουμένοις τῷ
 10. πολιτῶν εἰς Ἡερσόνησ[ον]
 χρε[ι]α[ς] παρέχεται] . . .

П е р е в о д:

«При жреце Героейтоне Совет и Народ постановили двадцатого числа. Гефестодор, сын Диогена, предложил. Так как Дионисий, сын Тагона, херсонесит, вообще пребывает благосклонным и дружественным к народу и, в частности, гражданам, прибывающим в Херсонес (услуги оказывает)...»¹

Надпись обрывается как раз на постановлении, которое должно было следовать за перечислением заслуг чествуемого лица, но трафаретность формулировки не вызывает сомнений, что перед нами типичный декрет о проксении, дарованной ольвиополитами гражданину Херсонеса. Таким образом, памятники этого рода из Ольвииполнились еще одним экземпляром.

Хотя количество ольвийских декретов о проксении невелико, все же имеющийся материал дает основание выделить две группы: одну группу с сокращенной формулировкой, когда перечисление привилегий дается без указания заслуг чествуемого лица, и вторую, когда перед перечислением почетных прав приводится обоснование постановления. Ярким примером памятников первой группы является упомянутый выше декрет IV в. до н. э. в честь Херигена, сына Метродора, месембрийца; второго — проксения Навтиму, сыну Пасиона, каллатийцу, датируемая III в. до н. э. Как известно по эпиграфическим материалам Греции и Малой Азии, сокращенная редакция постановления характерна для более ранних декретов о проксении. Ознакомление с соответствующими материалами Ольвии выявляет ту же картину: в декретах IV в. до н. э. приводится только перечисление прав, предоставляемых Советом и Народом тому или другому иностранцу; в декретах III в. до н. э., кроме того, перечисляются заслуги последнего. Так, например, к первой группе относится (кроме упоминавшегося выше документа в честь Херигена) декрет в честь Дионисия (IOSPE, I², 21) и, очевидно, декрет IV в. до н. э. (IOSPE, I², 23), от которого сохранилась всего лишь незначительная часть; ко второй, кроме упомянутого декрета в честь Навтима, — еще один фрагмент декрета III в. до н. э. (IOSPE, I², 28).

Среди боспорских надписей имеются всего три фрагмента, которые с достоверностью могут быть отнесены к декретам о проксении. Это декреты от имени Перисада и его сыновей о предоставлении прав сыну Дионисия, гражданину Амиса, халкидонянам, а также заключительная часть надписи в честь неизвестного лица (соответственно IOSPE, II, 1, 2, и 3). Нам неизвестно, к какой группе относится последний декрет, но первые два, без сомнения, принадлежат к группе с сокращенной редакцией. Дошедшие до нас херсонесские декреты о проксении относятся в подавляющем большинстве к более

¹ Мы восстанавливаем слово χρεῖας на основании отчетливо видной верхней части альфы и слабо заметной сигмы; от παρέχεται сохранилась лишь поперечная черта пи, и мы даем чтение по образу ольвийского декрета в честь Навтима каллатийца (IOSPE, I², 27).

позднему времени — первым векам нашей эры, и сохранились от них лишь окончания (IOSPE, I², 374—382). Декрет IV в. до н. э. в честь Аполлона, сына Пасиона (IOSPE, I², 371), сформулирован кратко¹. Р. Лепер замечает: «Этому времени, может быть, соответствует и более простая формулировка»². Таким образом, мы видим, что в IV в. до н. э. и в Северном Причерноморье общепринятой была краткая формулировка, а само содержание вновь найденного ольвийского декрета сближает его с более поздней группой, относящейся ко времени не ранее III в. до н. э.

К этому же выводу приводит нас и рассмотрение палеографических особенностей надписи. Надпись вырезана довольно тщательно; имеются некоторые колебания в начертаниях одной и той же буквы³, но в целом стиль письма выдержан. Характерным для него является А со слегка изломанной, дугообразной перекладиной, Σ и Μ с параллельными чертами, Π с одной короткой вертикалью, но с поперечной перекладиной, выходящей вправо за эту черту. Θ, Ο и Ω по размерам мельче остальных букв; большинство букв апицировано в виде утолщений. Указанные особенности говорят о принадлежности надписи ко времени не ранее второй половины III в. до н. э.⁴ Наряду с этим отсутствуют признаки значительно более позднего времени; Θ еще везде сохраняет более раннюю форму с точкой посередине, поперечная черта у Α не встречается в виде ломаной линии и др. Все это указывает, что надпись была вырезана не позднее первой половины II в. до н. э. К этому выводу приводит нас и сравнение с хорошо датированными надписями Северного Причерноморья; так, например, издаваемый декрет безусловно моложе боспорских надписей времени царя Спартока, сына Евмела⁵, Херсонесской присяги⁶ и др. Зато он старше не только эпитафии из Эльтигена⁷ и других надписей времени Асандра и Динамии, но и таманской посвяtitельной надписи Аполлону Врачу, относящейся ко времени Перисада, сына Перисада⁸.

Таким образом, новая ольвийская надпись хронологически укладывается в рамки второй половины III в. — первой половины II в. до н. э. Однако большинство перечисленных палеографических особенностей, как нам кажется, заставляет относить надпись еще к III в. до н. э. и, вероятнее всего, к последней четверти этого века.

При всей кажущейся трафаретности издаваемый декрет имеет ряд особенностей, выделяющих его среди известных нам памятников Северного Причерноморья. Одной из основных отличительных черт его является помещение первой строки надписи на карнизе под фронтоном. Нельзя сказать, чтобы это явление было исключительным. Так, например, на посвяtitельной надписи в честь Аполлона, происходящей из Ольвии (IOSPE, I², 109), на нижней части обрамления фронтона вырезана формулировка Ἀ[γαθῆ τῆχη]. На ольвийском декрете в честь Каллисфена, сына Дада (IOSPE,

¹ Исключением является декрет в честь Тимагора, родосца, составленный в сокращенной редакции (IOSPE, I², 340), который, по определению В. В. Латышева, относится к III в. до н. э., хотя некоторые буквы характерны для алфавита IV в. до н. э.

² Р. Лепер, ук. соч., стр. 49, № 4.

³ Ср., например, две Σ в строке 7-й, Ν в строках 5-й и 6-й, Π 10-й строки с остальными начертаниями и др.

⁴ W. L a r f e l d, Griechische Epigraphik, 3-е изд., München, 1914, стр. 268 сл.

⁵ IOSPE, II, 13. В боспорской надписи алфавит более ранний; Σ и Μ имеют косые линии, перекладина у Π не выходит за вертикальные черточки, поперечная черта у Α прямая.

⁶ IOSPE, I², 40.

⁷ В. Шкорпил и М. Ростовцев, Эпитафия из Эльтигена, ИАК, 37, см. табл. на стр. 16.

⁸ В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1914 г., ИАК, 58, стр. 18. В таманской надписи перекладина у Α уже изломана, Π иногда изображается с вертикалями одинаковой длины, Ω более округла.

I², 43) первая строка — о народном увенчании его золотым венком также вырезана на обрамлении фронтона; то же мы видим и на ольвийском постановлении в честь неизвестного лица от имени ряда городов (IOSPE, I², 41). В надписях Танаиса также начальная строка иногда помещалась на нижней части фронтона¹. Все перечисленные выше памятники принадлежат первым векам нашей эры. Таким образом, ольвийский декрет 1949 г. является наиболее ранним образцом использования фронтона под надпись. Кроме того, в приведенных аналогиях первая строка надписи, помещенная на обрамлении фронтона, лежит почти в одной плоскости с основным текстом; в издаваемом же декрете она высечена на скошенной поверхности, что несколько нарушает общее впечатление единства надписи, заставляя даже предполагать, не была ли эта фраза, являющаяся датировочным моментом, приписана после написания всего декрета. Но главный интерес первой строки заключается в ее содержании — в обозначении года собрания именем жреца-эпонима.

Датировку именем жреца мы встречаем в декрете в честь Протогена (IOSPE, I², 32; A25, 35—36; 59) и в посвятельной надписи Аристоника, сына Артемона (IOSPE, I², 162). В херсонесском декрете в честь гераклеяца Фрасимеда, сына Фрасимеда, также в конце надписи, наряду с годом царствования богини, именем секретаря и днем месяца, приводится имя жреца (IOSPE, I², 357) и др. Но обычно упоминание о жрецах-эпонимах встречается в общем контексте, без выделения этой даты в начале надписи. Здесь впервые среди эпиграфических материалов Северного Причерноморья мы встречаем упоминание жреца-эпонима перед началом формулировки о решении Совета и Народа, и притом в родительном падеже причастной формы среднего залога. Примечательно, что ближайшую аналогию этому мы нашли только среди эпиграфических материалов Истрии, где в одном из декретов нашей эры после трафаретной формулировки Τόχη ἀγαθή, следует: Ἰερομένου Ἀρισταγόρου τοῦ Ἀπατούριου, месяц, число и т. д. (SIG³, 325).

Обозначение даты именем жреца, без дополнительных данных, как-то: обозначения года, секретаря и др., указывает, что жрец был избран на один год². Может быть, этим объясняется и ошибка в написании имени, если она не случайна: смена жрецов могла только что произойти, и резчик по старой памяти написал первоначально имя жреца, уже сложившего свои полномочия.

Второй отличительной чертой издаваемого декрета является указание после Ἐδοξε βουλῆι καὶ δήμῳι числа ἐκάδι. Из всех известных нам документов Северного Причерноморья подобная формулировка имеется только в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE, I², 32). В свое время акад. В. В. Латышев писал по этому поводу следующее: «В № 16³ прибавлена дата собрания с пропущенным, повидимому, случайно, названием месяца... Этого же мнения придерживались и первые издатели декрета Протогена — Келлер и Кеппен» (IOSPE, I¹, стр. 233). Новый ольвийский декрет, в котором имеется то же упоминание двадцатого числа без обозначения месяца, делает предположение В. В. Латышева о случайности этого пропусса маловероятным: едва ли допустимо случайное повторение одной и той же ошибки в различных надписях.

Другой вопрос — о значении этого числа. Сказать что-либо определенное на основании имеющихся материалов — трудно. Еще В. В. Латышев там же указывал, что трудно судить, были ли определенные дни собраний, так как в сохранившихся трех документах с обозначением числа месяца указаны всего три числа, и притом разные:

¹ IOSPE, II, 437 и 438. См. рис. в ОАК, 1870—71 гг., стр. 231 сл.

² Лепер, издавший херсонесскую надпись в честь Фрасимеда (ук. соч., стр. 52—58), приходит к обратному заключению для Херсонеса, находящему подкрепление в аналогичном имени жреца в другом декрете о проксении в честь амастрийца Фарнака (стр. 58). Интересно, что в декрете в честь Протогена также приводится только имя жреца, что подтверждает предположение об одногодичности срока выполнения этих обязанностей в Ольвии в III в. до н. э.

³ Номер декрета в честь Протогена по первому изданию первого тома IOSPE.

в декрете в честь Протогена двадцатое число; в декрете в честь Карзоаза двенадцатое; в декрете в честь Теокла Сатира пятнадцатое. Не исключена возможность, что дважды встретившиеся в ольвийских декретах эллинистического времени упоминание двадцатого числа, без обозначения месяца, указывает на существование какого-то определенного, всем известного дня собрания Совета и Народа. Но окончательное решение вопроса возможно, конечно, лишь по получении дополнительных данных¹.

Своеобразной чертой надписи является употребление формулировки ὄν τυχάνει, т. е. употребление предикативного причастия с глаголом τυχάνω, когда последний большей частью остается без перевода. Подобная формулировка в надписях Северного Причерноморья фиксируется впервые; более обычно сочетание ὄν с глаголом διατέλεω (IOSPE, I², 27 и др.).

При разборе имен, упоминающихся в надписи, бросается в глаза негреческое имя отца чествуемого херсонесита Θάγων. Это имя впервые встречается среди имен Северного Причерноморья; нет его и в известной нам керамической эпиграфике, в словарях собственных греческих имен Папе-Бензелера и Фика-Бехтеля. Близкое по созвучию и структуре имя Θάβων имеется среди граждан нимфейского списка (IOSPE, IV, 205), как имя отца Акка; Латышев включил его в приводимый им небольшой список негреческих имен Нимфея. Встречается в том же нимфейском списке близкое имя Θάγος (IOSPE, IV, 205, II); это имя встречено и в нантикапейской надписи IOSPE, II, 94. В надписи, найденной на ольвийской периферии, близ Коблевки на Тилигульском лимане, приводится имя Θαβοῦς. Но имя Θάγων встречается среди негреческих имен Северного Причерноморья впервые.

Имя ольвиополиита Φραίστόδωρος — нередко среди греческих надписей; встречается оно и на клейменных ручках, находимых в Причерноморье². Но, очевидно, оно было все же мало распространено, ибо оно зафиксировано, кроме издаваемой надписи, только в каталоге херсонесских граждан, где оно дано в дорической форме Φραίστό[δωρος] (IOSPE, I², 403). Имя жреца Φροῦσίτων встречается в словаре Папе-Бензелера, а также в керамических надписях; засвидетельствовано оно и в надписях нашего Юга, как, например, в горгинийском списке³. Среди ольвийских имен оно встречается впервые⁴. Остальные, чисто греческие, имена Диогена и Дионисия столь распространены, что нет необходимости в их перечислении. Итак, среди имен ольвиополитов во вновь найденном декрете, наряду с распространенным греческим именем Диогена, имеются довольно редко встречающиеся имена Герогейтона и, особенно, Гестодора; среди имен херсонесцев, наряду с общеизвестным именем Дионисия, впервые зафиксировано имя Тагон.

Вновь найденный декрет является важным историческим документом, свидетельствующим о дружественных и торговых взаимосвязях Ольвии с Херсонесом в III в. до н. э. Он приобретает еще большее значение, если вспомнить, что в самом Херсонесе в свое время также был найден почетный декрет о проксении, дарованной ольвиополиитами Дионисию, имя отца которого и этникон оказались позднее выскобленными. В. В. Латышев писал при его издании: «Каким образом попал этот декрет в Херсонес,

¹ Уваров высказал предположение, что на двадцатый день архонты и семь мужей обнародовали свое решение собранию, и в связи с этим пишет: «Не существовал ли этот двадцатидневный срок для исполнения только тех определенных собраний, которые не требовали немедленного решения», А. У в а р о в, Исследование о древностях южной России, СПб., 1851, стр. 76.

² Е. П р и д и к, Инвентарный каталог клейм... СПб., 1914; см., например, стр. 77, №№ 522—27; стр. 84, №№ 451—52; стр. 97, № 727; стр. 128, №№ 5—6; стр. 144, № 2.

³ IOSPE, IV, 432. В надписях чаще встречается имя Φροῦσίτος; см., например, OSPE, I², 351 и 358.

⁴ Быть может, Латышев неверно восстановил имя Δι[ο]υσι[τ]ονος в надписи, найденной на ольвийской периферии близ Викторовки (IOSPE, I², 146), и следует читать Φροῦσι[τ]ονος].

сказать трудно. Можно было бы предположить, что мы имеем перед собой копию, поставленную в родном городе чествуемого лица, как это нередко делалось у греков¹. Далее он приводит доводы, основанные на восстановлении этника, которые, по его мнению, опровергают это предположение. Публикуемый ольвийский декрет должен рассеять, как нам кажется, сомнения В. В. Латышева в том, что декрет о проксении, найденный в Херсонесе, является копией ольвийского постановления, тем более, что восстановление им этника вследствие сильной порчи особенно интересующей нас 4-й строки не вполне доказуемо. Обычай установления копий декретов в различных городах хорошо известен по памятникам Греции. И в Северном Причерноморье мы имеем аналогичные примеры; так, в Ольвии были найдены обломки двух декретов Тенедоса и Коса в честь ольвиополитов, византийский декрет в честь Оронта, сына Абаба и др.

О связях Ольвии с Херсонесом свидетельствуют еще две крайне фрагментарные надписи Херсонеса. Одна из них представляется, по мнению В. В. Латышева, обломком метрической эпитафии какому-то ольвиополиту, жившему во II в. до н. э.²; другая надпись, III в. до н. э., представляет собой постановление херсонесцев в честь ольвиополита за его заслуги³. Таким образом, мы располагаем уже четырьмя документами о тесных связях Ольвии с Херсонесом. Один из них относится к IV в., два — к III и последний — ко II в. до н. э.

Большой интерес представляет и сам комплекс, в котором был обнаружен декрет. Как упоминалось выше, он был найден при раскопках участка «Е». Участок «Е», исследование которого началось впервые после Великой Отечественной войны, занимает центральное положение в Верхнем городе. С севера он граничит с так называемым «Зевсовым Курганом», с юга — со второй поперечной балкой, за которой начинаются оборонительные стены Ольвии первых веков нашей эры. Таким образом, участок «Е», являясь центральной частью города догетского времени, в послегетский период, когда городская территория была сокращена почти вдвое, находился уже вне стен последней. Работами 1947—1949 гг. на этом участке вскрыта большая площадь, замощенная черепиной вымосткой; ее пересекает современная пешеходная тропа, совпадающая по направлению с главной уличной магистралью Ольвии, шедшей от северных городских ворот к южной части Нижнего города. На северо-восточной оконечности площади работами 1949 г. было частично открыто общественное здание более раннего времени и исследован большой каменный водоем глубиной 3,95 м. Площадь бытовала с V в. до II в. до н. э. включительно. Планировка площади (расположение ее на линии прохождения главной городской магистрали, объединявшей Верхний город с Нижним), малая застроенность по сравнению с застроенностью жилых кварталов, наконец, характер строительных комплексов и вещественного материала, отличный от хорошо известных комплексов жилых и хозяйственных сооружений, заставляет предполагать, что участок «Е» в древности являлся агорой.

Издаваемый декрет был найден при расчистке вышеупомянутого общественного водоема агоры. Он лежал в юго-западном углу последнего, надписью вниз. Насыпь водоема была крайне насыщена материалом. Достаточно указать, что при расчистке водоема было найдено около 400 клейменных амфорных ручек, почти исключительно родосского происхождения, не говоря о массовых обломках амфорных стенок, венчиков, донышек и другого керамического материала. Так, например, найдено значительное количество местных сосудов своеобразной формы, находящейся параллели в совре-

¹ IOSPE, I², 21; В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из южной России, ИАК, 10, стр. 2.

² IOSPE, I², 546; В. Л а т ы ш е в, Надписи, найденные в южной России в 1900 г., ИАК, 2, стр. 67, № 8.

³ IOSPE, I², 345; В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из южной России, ИАК, 14, стр. 100—101, № 8. К сожалению, крайняя фрагментарность надписи не позволяет расшифровать ее.

менном гончарном производстве Украины. Обломки мегарских чашек, черполаковой посуды и другие хорошо датруемые керамические находки хронологически определяют материал, заполнявший водоем, концом III — первой половиной II в. до н. э., с преобладанием последнего¹.

При этом любопытно, что, несмотря на значительную глубину водоема, материал был однороден от начала до конца как по характеру, так и по времени. Отсюда следует, что засыпь водоема была сделана одновременно, в первой половине II в. до н. э., когда водоем перестал функционировать, а сама площадь подверглась разрушению. Декрет о проксении, некогда ее украшавший, оказался разбитым, и верхняя половина его была брошена в водоем.

Декреты о проксении являются важными историческими источниками, свидетельствующими о международных связях древних городов. Впервые за советский период раскопок не только Ольвии, но и других городов Северного Причерноморья найден эпиграфический документ такого значения при такой сохранности. Сохранившаяся часть надписи прекрасно читается и может служить образцом при восстановлении текстов других, более фрагментарно дошедших декретов о проксении.

Издаваемый памятник документально подтверждает торговые сношения Ольвии с Херсонесом Таврическим во второй половине III в. до н. э.² Благодаря этой находке получают объяснение и другие надписи, также свидетельствующие о связях Ольвии с Херсонесом и о длительности этих связей. Усиление торговых сношений в III—II вв. до н. э. между Ольвией и Херсонесом говорит о возросших масштабах и роли местного производства этих городов в эллинистическое время. Негреческое имя «Тагон», упоминаемое в надписи, свидетельствует о том, что уже в начале III в. до н. э. степень воздействия и внедрения местных элементов в быт и культуру Херсонеса была достаточно велика. Этот факт приобретает еще большее значение, если вспомнить, что Херсонес дольше других центров Северного Причерноморья сохранял греческий облик.

Е. И. Леву

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЯЛТИНСКОГО МУЗЕЯ

Публикуемые в настоящей статье памятники изучались мною в довоенное время. В 1935—1938 гг. мною были сняты эстампажи с этих памятников, сделано описание и обмер. Памятники только частично были записаны в инвентарную книгу Музея и в значительной части, как мне было сказано, поступили в Музей из частной коллекции.

Приношу благодарность В. Д. и Т. В. Блаватским за любезно предоставленные для издания фотографии³.

¹ Мы даем сейчас лишь предварительную датировку; специальное изучение материала водоема, являющееся нашей ближайшей задачей, позволит установить более точные хронологические рамки, тем более, что в насыпи, на разных глубинах, найдено семь еще не очищенных монет. Засыпь водоема, сохранность которого поражает и в настоящее время, связывается с какой-то катастрофой, постигшей город во II в. до н. э. Об этом говорит и весь остальной материал участка. Уточнение времени и обстоятельств засыпки водоема чрезвычайно важно для выяснения тех исторических событий, которые происходили в жизни города в указанное время.

² До настоящего времени основным материалом для характеристики торговой деятельности Херсонеса служили лишь клейменные амфорные ручки.

³ Рисунки выполнены Л. П. Розановой.